УДК 81'42

DOI: 10.6060/ВННСУСТ2020_181

Долинина И.В.

Долинина Ирина Вячеславовна — кандидат филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, доцент кафедры русского языка.
E-mail: dolininaIV@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ДОМИНАНТЫ «ХРИСТИАНСТВО» В ЦИКЛЕ «ВИЗАНТИЙСКИХ» ЛЕГЕНД Н.С. ЛЕСКОВА

Статья посвящена анализу языковой объективации лингвокультурной доминанты «христианство» в языковом сознании Н.С. Лескова. Для исследования выбран цикл «византийских» легенд, принадлежащий к «позднему» творчеству писателя. Автор статьи использует лингвокультурологический подход к исследованию с целью интерпретации языковых поисков Н.С. Лескова, объективирующих лингвокультурную доминанту «христианство». На основе анализа её языковой репрезентации в дискурсе «византийского» цикла делается вывод об узואально-обязательных и индивидуально-авторских когнитивных смыслах в семантике этого ментального образования. Отмечено, что его экспликация у Лескова часто осуществляется через отрицание языковых стереотипов. Полученные в результате исследования выводы позволяют сделать заключение, что «византийские» легенды завершают экспликацию «христианства по Лескову» в творчестве автора.

Ключевые слова: творчество Н.С. Лескова, «византийский» легенды, лингвокультурная доминанта «христианство», языковая объективация.

Dolinina I.V.

Dolinina I.V. — Candidate of Philology, Associate Professor. E-mail: dolininaIV@yandex.ru

LINGUISTIC OBJECTIFICATION OF LINGUOCULTURAL DOMINANT «CHRISTIANITY» IN N.S. LESKOV "BYZANTINE" LEGENDS CYCLE

The article is devoted to the analysis of the linguistic objectification of the linguistic and cultural dominant "Christianity" in N.S. Leskov language consciousness. A cycle of the «Byzantine» legends was chosen for the research. The author of the article uses the linguoculturological research approach in order to interpret N.S. Leskov language search, objectivating the linguistic and cultural dominant "Christianity". On the basis of its linguistic representation analysis in the discourse of the "Byzantine" cycle a conclusion is drawn about the usual-obligatory and individual author's cognitive meanings in the semantics of this mental formation. It is noted that its explication in Leskov's works is often carried out through the denial of language stereotypes. The findings of the study allow us to conclude that the "Byzantine" legends

complete the explication of "Christianity according to Leskov" in the creative work of the author.

Key words: N.S. Leskov creative work, «Byzantine» legends, linguocultural dominant «Christianity», linguistic objectification.

«Дело честного писателя — служить тому, чтобы Царство Божие настало на земле как можно скорее и всесовершеннее» [9, с. 365], — писал классик русской литературы Н.С. Лесков в одной из своих заметок. Эти строчки, появившиеся в последний год жизни известного писателя, характеризуют его с двух сторон — как христианина и как творца, посвятившего свой талант тому, чтобы «очеловечить евангельское учение». [7, с. 456]. И в этой связи Н. С. Лесков — христианский писатель-просветитель, творчество которого А.М. Горький неслучайно называл «иконописью», отметив его стремление «создавать для России иконостас её святых и праведников» [3, с. 231].

Лесков трудно искал свой литературный путь. В 1891 году в письме к М.А. Протопопову он признался: «...Но я не знал: чей я? «Хорошо прочитанное Евангелие» мне это уяснило <...>. Я блуждал и воротился, и стал *сам собою* — тем, что я есмь» [7, с. 509]. С начала 1870-х годов религиозный аспект становится одним из ведущих в культурно-исторической концепции писателя, отождествляясь с «поиском положительного идеала». Авторская интерпретация христианства как «учения жизненного» [7, с. 287], его художественное воплощение в образной системе, языковая экспликация в произведениях уже при жизни писателя были отмечены в критике и до сих пор являются актуальным объектом изучения для лесковедов, исследующих «концепцию праведничества» [17, с. 196-232] и «поиск «истинной веры» [12, с. 101].

В этой связи остаётся актуальной задача изучения языковой объективации лесковской концепции христианства, которая нашла своё выражение в языке произведений художника, в формировании его языковой картины мира.

Воссозданная посредством слова творческая реальность каждого писателя интерпретируется в статье Н.Л. Лейдермана как «модель мироустройства», выступающая «в качестве наглядно-зримого воплощения смысла жизни» [5, с. 37-38]. Для Н.С. Лескова такой «моделью мироустройства» стало христианское учение, а смыслом жизни — убеждение людей жить по его заповедям. «Я почитаю христианство как учение и знаю, что в нём спасение жизни, — а всё остальное мне не нужно» [7, с. 329], — говорит он в письме к А.С. Суворину 11 марта 1887 года.

Всё это позволяет сделать вывод, что в творчестве Лескова понятие «христианство» и семантически сопряженные с ним «религиозность», «праведничество», «православие», «идеал» следует интерпретировать как особые «средства концептуализации внешнего мира» [2, с. 47]. Они выступают «языковыми константами», которые в идиостиле художника «служат «опознавательными знаками» [4, с. 38], являясь текстопорождающими доминантами.

Лингвокультурологическое исследование концептуализации этих ментальных комплексов на языковом уровне творчества Н.С. Лескова даёт возможность воссоздать динамику его оригинальной культурно-исторической концепции. Лежащие в её основе когнитивные комплексы, семантически связанные с выражением смысла христианского учения, конкретизируются у писателя через широкий набор языковых репрезентантов. С помощью выявления и описания круга их значений в творчестве художника мы можем наблюдать, как происходит становление понимания христианства «по Лескову».

Начиная с рассказа «Овцебык» (1863), через романы-хроники «Соборяне» (1872) и «Захудалый род» (1873), циклы «Праведники» (1873–1887) и «Русские богоносцы» (1880), к циклу «Византийские легенды» (1886–1890) Н.С. Лесков последовательно

вербализует своё понимание важнейших ментальных комплексов русского языкового сознания: «христианство», «религиозность», «православие», «праведничество», «идеал». Анализ их языковой экспликации в дискурсе всех значительных произведений 1870–1890-х годов показывает этапы трансформации узואльно-обязательной семантики этих ментальных категорий на основе индивидуально-авторской интерпретации в соответствии со своим пониманием высокой миссии христианина и художника.

На этой основе Н.С. Лесков в конце 1880-х годов идейно и творчески сближается с Л.Н. Толстым. В письме А.С. Суворину 9 октября 1883 года он признался: «... Но точку он видит верную: христианство есть учение *жизненное*, а не отвлечённое, и испорчено оно тем, что его делали отвлечённостью. «Все религии хороши, пока их не испортили жрецы» [7, с. 287]. В этой связи важнейшей художественной задачей автора становится поиск истинного христианства, не искажённого служителями. Так его взгляд обращается в прошлое — к истокам христианства, к воплощению его заповедей в старых христианских книгах и трудах философов.

В диссертации О.В. Макаревич подробно охарактеризован круг чтения религиозных трудов, с которыми писатель работал в этот период, благодаря чему «в публицистике и художественном творчестве Лескова постепенно формируется особая философская система, корни которой — в творческом переосмыслении религиозных категорий, в идее возрождения «забытых» официальной идеологией, в том числе и религиозной, нравственных ценностей христианства» [12, с. 4]. Одним из результатов поиска «естественного или истинного верования» [16, с. 86] становятся «византийские», или «проложные», или апокрифические рассказы [1, с. 31].

Как известно, основой для «византийского» цикла о первых христианах стал Пролог — памятник древнерусский переводной письменности, в котором собраны краткие жития, притчи и поучения. Обращение Лескова к Прологу как источнику вдохновения и в качестве фабульной основы для «византийских» повестей обусловлены рядом причин.

Первая из них имеет духовно-нравственный характер, связанный с концепцией «истинного христианства» в её противопоставлении формальному исполнению религиозных требований. В книге А.И. Фаресова приведены слова Лескова, указывающие, что «византийские» легенды связаны с его стремлением выразить сущность христианства. Писатель считал «византийский» цикл выражением своего «нравственного перелома» и «указанием на уклонение нашей жизни от христианского идеала» [14, с. 378-379].

Вторая причина лесковской работы с Прологом, с нашей точки зрения, связана с нарастающей в авторском языковом сознании дихотомией между семантическим наполнением ментальных категорий «христианство» и «православие». «Разладив с церковностью», Лесков ищёт свой путь в народном христианстве, подчёркивая в письме к П.К. Щербальскому 29 июля 1875 года: «Я люблю *живой дух веры*, а не направленную риторику. По-моему, это «рукоделье от безделья», и притом всё это на православный салтык...» [6, с. 412]. Особое значение «народной веры» в духовно-нравственных поисках писателя подчёркивается и в статье А.И. Фаресова «Умственные переломы в деятельности Н.С. Лескова»: «Утвердившись в той мысли, что христианство возникло среди простого народа ранее, чем оно стало господствующим культом, с присущими ему формами, и что оно, своим внутренним содержанием, всего более влиятельно, Лесков подвигался в этом направлении всё ближе и ближе к запросам на свободную жизнь духа, поступаясь авторитетами и преданиями» [15, с. 801].

Достигнув этого понимания, Лесков стремился донести его до своих читателей, оставаясь христианским писателем-просветителем. Поэтому третья причина его обращения к «легендарным временам» связана с популяризацией христианских истин

в форме любимых народных жанров: легенды, предания, сказания, притчи и мифа. И Пролог хорошо подходил для исполнения этой задачи.

Взяв за основу популярные проложные сюжеты, Лесков создаёт сорок пять собственных пересказов, обозначенных им как «Легендарные характеры. Опыт систематического обзора», куда вошли тридцать шесть «прилогов», а также девять легенд. Впоследствии восемь из них были включены в 10 том прижизненного собрания сочинений Н.С. Лескова (1889-1896, Спб.: Тип. А.С. Суворина).

Мы полагаем, что в «византийских» повестях семантизация лексемы «христианство» как лингвокультурной доминанты языкового сознания автора не только эксплицирует его концепцию «истинного христианства», но также служит основой для циклизации произведений.

Если обратиться к истории создания цикла «византийских» легенд, то мы увидим традиционные для Лескова расхождения между хронологией их написания и установкой в цикле: «Гора» (1888), «Легенда о совестном Даниле» (1888), «Повесть о богоугодном дровоколе» (1890), «Прекрасная Аза» (1888), «Скоморох Памфалон» (1887), «Лев старца Герасима» (1888), «Аскалонский злодей» (1889), «Сказание о Фёдоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине» (1886). Автор сам расположил их в таком порядке, пренебрегая последовательностью написания.

Своими соображениями о циклизации повестей «византийского» цикла Лесков делится в переписке с издателем — А.С. Сувориным. Так, в письме от 16 мая 1888 года, обсуждая содержание 10 тома собрания сочинений, он отмечает: «То, что взято из Прологов, — семь рассказов напечатанных и восемь готовых к печати (из обработанного обзора Пролога) составят отдельный том под заглавием «Пустынные картины» (древнее христианство в Сирии и Египте). Всё это в моей голове начинает мне выясняться и, бог даст, уложится стройно» [7, с. 389].

Первой в цикле поставлена повесть «Гора» («Зенон-златокузнец»). Автор считал это произведение более совершенным в художественном отношении по сравнению с другими «византийскими» повестями. В письме В.А. Гольцеву от 14 ноября 1888 года Лесков рассуждает: «...Хотелось бы показать не «Азу» и «Скомороха», а именно «Зенона», который обработан тщательнее всего прочего, мною сделанного в этом роде» [7, с. 398].

Также и анализ языковой презентации лингвокультурной доминанты «христианство» в «византийском» цикле показывает, что «Гора» как будто полагает начало её вербализации. Именно в языке этой повести мы находим подробную семантизацию обширной группы когнитивных признаков понятия «христианство», которые Лесков вербализует через соотнесение с языковыми единицами узואльно-обязательного порядка: «трудолюбие», «сила духа», «добродота», «милосердие», «честность», «вера».

По мысли И.Н. Минеевой, Лесков трансформирует идею взятого из Пролога сюжета («Верующему вся от Бога прошения подаваются») в сторону показа силы веры «златокузнца» [См.: 13, с. 12, с. 19]. Вместе с тем нельзя не заметить, что анализ языковой характеристики главного героя Зенона-златокузнца отсылает к репрезентации языковой константы творческого сознания Лескова «праведничество», экспликацией которой в своё время выступил знаменитый одноименный цикл. К примеру, египетский Зенон, как и солигаличский Однодум, «досуж и трудолюбив» [8, с. 4]. Как и праведные герои из повести «Инженеры-бессребреники», кузнец «скромен» [8, с. 3] и стремится к исполнению своего долга, заявляя: «Человек прежде всего должен исполнять то, что составляет его долг» [8, с. 10].

Доброту Зенона, соединённую с силой духа, мы находим в репрезентативном выражении, где эти языковые единицы представлены как однородные: «самая пленительная добродота и благородная твёрдость» [8, с. 8]. При этом у кузнца-праведника

указание на эти качества семантически соотнесены с милосердием, когда в молитве он просит милости для всех людей: «Небесный отец! пощади всех живущих» [8, с. 77].

Вместе с тем в языке повести присутствуют индивидуально-творческие языковые реализации ментальной категории «христианство», раскрытые в значениях: «артистизм» / «одарённость», «веротерпимость», «сомнительность в вере», «ответственность за ближнего», «способность к самопожертвованию», «любовь». Они становятся обязательными когнитивными признаками в авторской семантизации понимания христианства.

Так, указание на «артистизм» и «одарённость» героя выступает индивидуально-авторским значением и обеспечивает семантическое пересечение ментальных категорий «христианство» и «праведничество». В повести «Гора» презентация этих смыслов осуществляется с помощью установления синонимических отношений между номинациями Зенона в словосочетаниях и предложениях: «славный художник» [8, с. 3], «во всём он был мастер, и знаток, и любитель всякого изящества» [8, с. 8]. Даже в самый отчаянный момент Зенон напоминает актёра. Однако в его артистизме подчёркивается не только красота, но и сила духа: «Всякое движение Зенона было красиво и нежно, а в то же время исполнено достоинства и силы» [8, с. 61].

Индивидуально-авторскую языковую реализацию ментального комплекса «христианство» представляют слова, выражения, предложения и целые фрагменты текста, раскрывающие значения «веротерпимость» и «сомнительность в вере». В концепции «положительного идеала» у Лескова только веротерпимость его истинных христиан помогает преодолеть религиозную вражду, когда «всякий почитал свою веру за самую правильную и за самую лучшую, а чужую веру не уважал и порицал» [8, с. 3]. Зенон не следует этому принципу. За это, как и многие праведные герои Лескова, он остаётся не понят и не принят своими единоверцами, с точки зрения которых он «не о всём мыслил совершенно так, как принято было без рассуждения другими христианами в Александрии» [8, с. 50].

Суть такого неприятия связана с заповедями истинного христианина, которых придерживается Зенон. Его следование христианскому учению раскрывается в чувстве ответственности, в способности к самопожертвованию, в любви ко всем окружающим людям. Языковая презентация значений «ответственность», «способность к самопожертвованию» и «любовь» в повести «Гора» тесно связаны между собой в интерпретации сущности христианской веры. Эта парадигма вербализована в речах Зенона: «Пусть меня поразит стрела, — подумал Зенон, — и, может быть, тогда им довольно будет моей смерти, и другие будут свободны. А я буду счастлив; я совершу своё дело» [8, с. 72].

Своё понимание веры как сострадания и любви к людям Зенон пытается передать Нефоре: «И я счастливо умру, передав тебе любовь мою к страдающим людям!» [8, с. 74]. Лесковский художник из Египта мечтает примирить и сплотить людей с помощью духовной любви: «Любовь обнимает всех в одном сердце» [8, с. 74].

Через семантизацию своего понимания «христианства» как духовной любви к людям Лесков актуализирует ещё одно значение этой ментальной категории — «счастье». В словах кузнеца-идеолога оно ассоциируется с укреплением веры — движением горы: «Это нужно для счастья людей, потому что в учении его сокрыт путь ко всеобщему счастью, но, чтобы идти тем путём... надо верить, Нефора, — надо сдвинуть в жизни что тяжелее и крепче горы» [8, с. 74].

Так в дискурсе повести «Гора» выстраивается духовно-нравственная парадигма: «христианский долг» — «ответственность за каждого человека» — «способность к самопожертвованию во имя людей» — «любовь к каждому и всем» — «вера» — «счастье». Она основана на иерархии смыслов, когда духовная любовь к людям транс-

формируется в христианскую веру и помогает сдвинуть «гору» — преграду в виде разобщённости и разноверия — на пути к всеобщему счастью — христианству.

Репрезентированные в повести «Гора» когнитивные признаки языковой константы «христианство» мы находим и в других произведениях цикла. Однако там они уже не представлены в таком разностороннем и подробном концептуально-семантическом единстве.

Так, следующие повести «Легенда о совестном Даниле» и «Повесть о богоугодном дровоколе» не содержат обширной экспликации семантики ментального комплекса «христианство». В них вербализуются конкретные значения «совестливость» и «трудолюбие». В языковой характеристике героев эти конкретные значения эксплицируются «крупным планом».

В «Легенде о совестном Даниле» лексема-номинант «совесть» проходит через всё повествование, конкретизируясь определениями с семантикой морально-нравственной оценки: «добрая совесть» [8, с. 95], «гнетущая совесть» [8, с. 96]. Индивидуально-авторскими репрезентантами выступает объяснение совести как «кары немолитимого бога» [8, с. 96] и её отождествление с убитым эфиопом, когда Данила говорит: «Чёрный эфиоп не простёрся бы во всю мою совесть» [8, с. 96].

Совестливость главного героя основана на христианской вере. Также как и Зенон, Данила отождествляет веру с добром, справедливостью и любовью ко всем людям без каких-либо различий между ними. После убийства эфиопа герой понимает, что отринул добро и любовь как важнейшие смыслы христианского учения: «Учил я других, что все люди братья, а сам поступил как изверг, — освирепел как зверь и пошёл громоздить зло против зла...» [8, с. 88].

Вместе с тем в «Легенде о совестливом Даниле» появляется ещё одно значение языковой константы «христианство», которое можно обозначить как «опора на Евангелие» (вспомним слова Лескова о «хорошо прочитанном Евангелии»). Желание героя обрести эту поддержку эксплицировано в его просьбах к патриарху и папе показать ему нужную заповедь в святой книге: «Укажи во святом Христовом Евангелии то место, где это так изъясняется?» [8, с. 91], «...Хочу удостоверения: покажи мне это в слове Христовом?» [8, с. 92]. Без подтверждения в Божьем слове Данила отказывается верить духовным и светским властям: «Ни папа, ни патриарх его эфиопа не умыли» [8, с. 91].

Отсутствие важных «слагаемых» христианской веры: добра, братства и справедливости, утрата опоры на Евангелие — вызывают у героя опасения в искажении христианской любви и христианского учения: «...Не закрыли б от глаз наших слово Христово слова человеческие, тогда отбежит о людей справедливость и закон христианской любви будет им всё равно как бы неизвестен» [8, с. 94].

Выход из такого духовного тупика был уже намечен в повести «Гора» — это доброе служение людям. Для Данилы оно воплощается в стремлении помогать ближнему и выражается в заповеди: «Оставайся при одном учении Христа и иди служить людям» [8, с. 98]. В этих словах отражено лесковское понимание христианства как религии «активной доброты».

Третья повесть «византийского» цикла «Повесть о богоугодном дровоколе» можно считать экспликацией значения «трудолюбие» в семантике лингвокультурной доминанты «христианство». Поиски «наилучшего богомольца» [8, с. 100] приводят епископа и его паству к дровоколу-труженику. Главная заповедь этого «лучшего молитвенника» [8, с. 99] — труд. Для старика каждодневный труд стал синонимом пропитания, а значит, и жизни. Он искренне удивляется: «Зачем же не трудясь кушать?» [8, с. 102]. В своём жанре, стиле и языке произведение приближается к притче и заканчивается цитированием назидания из Пролога о богоугодности труда: «Тако и вси прославиша Бога о труде, <...> воистину ты еси совершил Писание» [8, с. 102].

Четвёртая повесть «византийского» цикла — это **«Прекрасная Аза»**. В письме к А.С. Суворину от 26 декабря 1887 года Лесков сообщает о желании издать повести «Совестливый Данила» и «Прекрасная Аза» под одной обложкой: «Прежде же я хочу напечатать образчик этого труда под заглавием «Повествовательные образцы по Прологу». Я дам там два милых рассказа...» [7, с. 362]. При публикации автор объединил произведения под жанровым заголовком «Две легенды по старинному Прологу»: «Совестный Данила» и «Прекрасная Аза» («Новое время», 1888, № 4286, 3 февраля и № 4347, 5 апреля). В десятом томе прижизненного собрания сочинений такая расстановка повестей сохранилась: «Прекрасная Аза» стоит после «Совестного Данилы».

При языковой экспликации константы «христианство» в этом произведении автор сделал акцент на вербализации его значения «доброта» и семантически сопряженных с ним смыслов «милосердие», «способность к самопожертвованию», «любовь». В характеристике героини сразу же подчёркиваются эти качества: «молодая египтянка была чрезвычайно добра и участлива ко всякому человеческому горю» [8, с. 103]. Её способность к самопожертвованию выражена в словах «ничего не жалела, чтобы помочь людям» [8, с. 103], «нашим сердцам дано знать сострадание» [8, с. 108]. И пусть решение Азы пожертвовать состояние нуждающемуся человеку воспринимается окружающими как «безрассудная доброта» [8, с. 107], в языке повести указание на него актуализирует значение «любовь», которое раскрывается с помощью репрезентантов, содержащих лексему-номинант и её дериваты: «святейшее дело любви» [8, с. 110], «решенье любить других больше себя» [8, с. 108], «оказать друг другу любовь и помогать друг другу в горе» [8, с. 109–110]. Благодаря доброте, способности пожертвовать собой ради ближнего во имя духовной любви к нему в конце повести блудница Аза нарекается христианкой без исполнения обряда крещения и становится «дочерью утешения» [8, с. 113].

«Скоморох Памфалон» — пятая повесть «византийского цикла». 31 октября 1888 года в письме, адресованном К.А. Гриве, писатель определяет художественное место повести: «Сожалею только, зачем впереди «Скомороха» не пошла «Прекрасная Аза». Она из этого же древнехристианского быта, но она лучше «Памфалона» [7 с. 397]. Этот взгляд писатель выразил в прижизненном собрании сочинений, поставив «Скомороха» после «Азы».

Принципом циклизации остаётся и авторская задача языковой репрезентации своего понимания «христианства». В характеристике главного героя Памфалона эксплицированы уже раскрытые в предыдущих повестях значения языковой константы «христианство»: «доброта» и «милосердие», «способность к самопожертвованию» и «служение ближнему», «трудолюбие» и «любовь». На этот раз доброта и милосердие героя определяются через активное использование лексемы «сердце» в сочетании с оценочными определениями: «жалостное сердце» [8, с. 135], «доброе сердце» [8, с. 136], «всегда был слаб сердцем» [8, с. 159].

Интересно и показательно, что свои положительные качества Памфалон трактует как отрицательные. Доброту он объясняет как «дрянное сердце» [8, с. 138], о трудолюбии говорит: «Я и таскаюсь по земле, ползаю, тружусь» [8, с. 134]. Собственное милосердие и способность к самопожертвованию герой обозначает через использование глагола «промотаться», семантика которого реализует смысл «пренебрёг спасением души» и осознаётся как отрицательная: «Случится кто-нибудь в горе, и мне его станет жаль, и я промотаюсь» [8, с. 139], «При виде таких страшных бедствий другого человека я промотался... я опять легкомысленно позабыл о спасении своей души» [8, с. 159]. И в этой связи повесть «Скоморох Памфалон» вновь актуализирует любимую Лесковым тему праведничества.

Корреляция языковых констант «христианство» и «праведничество» становится возможной благодаря актуализации в их семантике когнитивного признака “активная доброта”. Праведные герои «византийский» легенд Лескова мало заботятся о спасении своей души, неустанно помогая окружающим. «Легкомысленный» скоморох противопоставлен пустыннику Ермию, который спасал свою душу отшельничеством и молитвами. Согласно христианству «по Лескову» Бог не в образах, а в помощи ближнему.

По этой причине лесковские христиане не боятся Божьего наказания за пренебрежение спасением собственной души. В ответ на вопрос Ермия о страхе перед Богом Памфалон восклицает: «Право, не боюсь: я его люблю» [8, с. 135]. По мысли Лескова, истинное христианство — это религия добрых дел, религия без страха.

Указание на это эксплицировано в шестой повести «**Лев старца Герасима**». Пустынник Герасим «другим людям по силе своей был полезен» [8, с. 168], с добром относился ко всем: «Поступайте со всеми добром да ласкою» [8, с. 706]. Своей добротой и помощью он сумел усмирить льва и разбойников. В финале повести Герасим отказывается от подарка их предводителя Амру, потому что «придёт другой жадный зверь и опять приведёт с собой беспокойство и зависть, и делёж, и упрёки». Праведный отшельник так и говорит: «Я хочу жить без страха» [8, с. 172].

Седьмая повесть «**Аскалонский злодей**» практически заключает цикл. Лесков считал её лучшей среди «византийских» легенд. Указание на это мы находим в письме В.А. Гольцеву от 5 октября 1889 года: «Злодей», по моему разумению, лучше «Зенона» [7, с. 438]. Представленная в повести языковая реализация христианства «по Лескову» не уступает «Горе» и актуализирует широкий комплекс уже объективированных значений: «доброта», «кротость», «милосердие», «честность», «сила духа», «веротерпимость», «ответственность», «способность к самопожертвованию», «любовь». К уже представленным в языке других повестей значениям добавляются «верность», «добродетель», «жалость».

Показательно, что все эти смыслы вербализуются в языковой характеристике Тении — молодой женщины-язычницы. Её добродетель и стойкость вызывают светлые чувства даже у злодея Анастаса. «Ты такая добрая и верная, что мне тебя стало жаль, а я ещё не знал, как жалеют... Я не знал... как отрадно жалеть человека» [8, с. 220], — говорит разбойник, душу которого преобразил пример праведной Тении.

Как и Аза, некрещёная Тения живёт по христианским заповедям. На вопрос мужа-христианина: «Кто же тебе это открыл? Тения взяла руку мужа и положила её себе на сердце, а другою своею рукой указала тихо на небо» [8, с. 225]. И неслучайно таких праведных героев Лесков называл «духовными христианами». Ещё в 1875 году в письме к П.К. Щербальскому он говорит о своём желании написать «*духовного христианина*, прошедшего все колебания ради искания истины Христовой и нашедшего её только в одной душе своей» [6, 412].

В конце 1880-х годов этой мыслью будет проникнут весь цикл «византийских» легенд, где каждый праведный герой чувствует Христа сердцем, живёт и действует через осознание любви к нему. Праведные герои Лескова исповедуют собственную религию «умножения в людях добра, правды и мира» [10, с. 116]. И с этой стороны они свободны от канонов какого-либо вероисповедания. Единственное различие между представителями разных вер для них состоит в «простой нравственности».

Последней повестью «византийского» цикла Лескова является «**Сказание о Фёдоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине**». В ней языковую объективацию получают когнитивные смыслы «веротерпимость», «уважение», «доверие», объективированные через использование лексем «согласие» и «разделение», которые осмысливаются как антонимы. Через слова Абрама: «Поймут ли когда-нибудь все люди истину, что творец не желает их разделения?» [8, с. 238] и «Все веры к единому богу ведут»

[8, с. 239] — репрезентирован главный концептуальный признак ментальной константы «христианство» в языковом сознании Лескова — это «единство всех христиан», когда «...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но всё и во всем Христос» (Послание к Колоссянам из Нового завета апостола Павла). Притчевое «Сказание о Фёгоре и Абраме» включает весь цикл широким обобщением — «идеей единения народов и деятельной христианской жизни» [11, с. 40].

Таким образом, в цикле «византийских» легенд Лесков идейно и творчески трансформирует сюжеты Пролога с целью объективации в дискурсе повестей понимания христианства — важнейшей константы своего языкового сознания, выступающей центром языковой картины мира писателя и воплощением его понимания смысла жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буткевич А.А. Цикл «византийских» легенд Н.С. Лескова в критике и литературоведении: номинация и поэтика // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 180. 2016. С. 30–36.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
3. Горький А.М. Н.С. Лесков // Горький А. М. Собр. соч. В 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 24. С. 228–237.
4. Леденёва В.В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. 2001. № 5. С. 36–42.
5. Лейдерман Н.Л. Текст и образ // Мир русского слова. 2005. № 3–4. С. 35–45.
6. Лесков Н.С. Собр. соч. В 11 т. / Под ред. В.Г. Базанова, Б. Я. Бухштаба, А.И. Груздева, С.А. Рейсера, Б. М. Эйхенбаума. М.: ГИХЛ, 1956–1958. Т. 10. 600 с.
7. Лесков Н. С. Собр. соч. В 11 т. / Под ред. В.Г. Базанова, Б.Я. Бухштаба, А. И. Груздева, С. А. Рейсера, Б. М. Эйхенбаума. Указ. изд. Т. 11. 864 с.
8. Лесков Н. С. Собр. соч. в 12 т. / Сост. и общ. ред. В.Ю. Троицкого. М.: Правда, 1989. Т. 10. 416 с.
9. Лесков Н.С. Приложения // В мире Лескова: сб. ст. М.: Сов. писатель, 1983. С. 364–365.
10. Лесков Н.С. Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви) // Н.С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1984. С. 111–128.
11. Листван Ф. Христианские легенды Николая Лескова // Литература и культура в контексте Христианства. Образы, символы, лики России. Ульяновск, 2008. Ч. 1. С. 34–41.
12. Макаревич О.В. Интерпретация религиозных текстов в творчестве Н.С. Лескова второй половины 1870-х-1890-х гг.: вопросы проблематики и поэтики: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2014. 230 с.
13. Минеева И.Н. «Византийские» легенды в творчестве Н.С. Лескова. Проблемы текстологии: научное электронное издание. Петрозаводск: ПетрГУ, 2016. 112 с.
14. Фаресов А.И. Против течений. Н.С. Лесков. Его жизнь, полемика и воспоминания о нём. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1904. 411 с.
15. Фаресов А.И. Умственные переломы в деятельности Н.С. Лескова // Исторический вестник, 1916. Т. СХLIII. № 3. С. 786–819.
16. Филимонова В.А. Идея «праведничества» в «византийских» легендах Н.С. Лескова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. ст. VII Международной научной конференции молодых ученых (9 февраля 2018 г.): в 2-х ч. Ч. II: Современные проблемы изучения истории и теории литературы. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2018. С. 81–87.
17. Хализев В.Е., Майорова О.Е. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова: сб. ст. Указ. изд. С. 196–232.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Butkevich A.A. Cikl «vizantijskih» legend N.S. Leskova v kritike i literaturovedenii: nominaciya i poetika // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. № 180. 2016. S. 30–36.
2. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie. M.: Russkie slovari, 1996. 416 s.
3. Gor'kij A.M. N.S. Leskov // Gor'kij A.M. Sobr. soch. v 30 t. M.: GIHL, 1953. T. 24. S. 228–237.
4. Ledenyova V.V. Idiostil' (k utochneniyu ponyatiya) // Filologicheskie nauki. 2001. № 5. S. 36–42.
5. Lejderman N.L. Tekst i obraz // Mir russkogo slova. 2005. № 3–4. S. 35–45.
6. Leskov N.S. Sobr. soch. V 11 t. / Pod red. V.G. Bazanova, B. Ya. Buhshaba, A.I. Gruzdeva, S.A. Rejsera, B.M. Ejhenbauma. M.: GIHL, 1956–1958. T. 10. 600 s.
7. Leskov N.S. Sobr. soch. V 11 t. / Pod red. V.G. Bazanova, B.Ya. Buhshaba, A.I. Gruzdeva, S.A. Rejsera, B.M. Ejhenbauma. Ukaz. izd. T. 11. 864 s.
8. Leskov N.S. Sobr. soch. v 12 t. / Sost. i obshch. red. V.Yu. Troickogo. M.: Pravda, 1989. T. 10. 416 s.
9. Leskov N.S. Prilozheniya // V mire Leskova: sb. st. — M.: Sov. pisatel', 1983. S. 364–365.
10. Leskov N.S. Graf L.N. Tolstoj i F.M. Dostoevskij kak eresiarhi (Religiya straha i religiya lyubvi) // N.S. Leskov o literature i iskusstve. L.: Izd-vo Leningradskogo gos. un-ta, 1984. S. 111–128.
11. Listvan F. Hristianskie legendy Nikolaya Leskova // Literatura i kul'tura v kontekste Hristianstva. Obrazy, simvoly, liki Rossii. Ul'yanovsk, 2008. Ch. 1. S. 34–41.
12. Makarevich O.V. Interpretaciya religioznych tekstov v tvorchestve N.S. Leskova vtoroj poloviny 1870-h-1890-h gg.: voprosy problematiki i poetiki: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I. Lobachevskogo, 2014. 230 s.
13. Mineeva I.N. «Vizantijskie» legendy v tvorchestve N.S. Leskova. Problemy tekstologii: nauchnoe elektronnoe izdanie. Petrozavodsk: PetrGU, 2016. 112 s.
14. Faresov A.I. Protiv techenij. N.S. Leskov. Ego zhizn', polemika i vospominaniya o nyom. SPb.: Tip. M. Merkusheva, 1904. 411 s.
15. Faresov A.I. Umstvennye perelomy v deyatelnosti N.S. Leskova // Istoricheskij vestnik, 1916. T. SXLIII. № 3. S. 786–819.
16. Filimonova V.A. Ideya «pravednichestva» v «vizantijskih» legendah N.S. Leskova // Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka: sb. st. VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh (9 fevralya 2018 g.): v 2-h ch. Ch. II: Sovremennye problemy izucheniya istorii i teorii literatury. Ekaterinburg: UMC-UIP, 2018. S. 81–87.
17. Halizev V.E., Majorova O.E. Leskovskaya koncepciya pravednichestva // V mire Leskova: sb. st. Ukaz. izd. S. 196–232.

Поступила в редакцию 28.02.2020 г.

Принята к публикации 12.03.2020 г.

.....

Для цитирования:

Долинина И.В. Языковая объективация лингвокультурной доминанты «христианство» в цикле «византийских» легенд Н.С. Лескова // Вестник Гуманитарного института. 2020. № 1. С. 181–190. URL: <https://isuct-bhi.ru/sites/default/files/issue/2020/1/bhi-2020-1-181.pdf>